

Утверждаю

Проректор по научной работе

ФГБОУ ВО «РГГУ»

К.и.н., доц.

 О.В. Павленко

4.03. 2020 г.

Отзыв

ведущей организации ФГБОУ ВО «РГГУ»

на диссертацию Беглова Алексея Львовича

«Православный приход Российской империи на рубеже XIX-XX вв.:

состояние, дискуссии, реформы),

представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук

по научной специальности 07.00.02. – Отечественная история

Представленная диссертация является результатом долгой и кропотливой исследовательской работы над темой, которая ранее никогда не рассматривалась во всем ее объеме и сложности, и тем более – с таким охватом источников и учетом практически всей имеющейся на сегодняшний день историографии. Центральной темой работы является «приходской вопрос» в период его наиболее интенсивного обсуждения в российском обществе – пореформенный период и вплоть до революционного времени 1917-1918 гг. Однако автор представляет и широкую ретроспективу «приходского вопроса», как он складывался в Романовской империи начиная с конца XVII в. и особенно во второй половине XVIII- начале XIX вв., когда, как точно показывает автор, были «завязаны» наиболее сложные узлы, распутать которые пытались, но так и не смогли позднеимперские реформаторы, и которые были разрублены только Революцией. Эта предыстория «приходского вопроса» подробно обсуждается с опорой на предыдущую историографию, а также на некоторые важные источники, центральным из которых является «Инструкция церковным старостам» от 1808 г., завершившая формирование синодальной конструкции церкви.

В том, что касается периода, находящегося в фокусе исследования (конец XIX – начало XX вв.), диссертация в значительной степени опирается на материалы центральных архивов; а также огромные ресурсы публицистики; материалы законодательных инициатив, начиная с великих реформ 1860-х гг., и их долгих

обсуждений; собственно, эволюцию законодательства и делопроизводства; статистические материалы; а также разного рода эго-документы. Хотя преобладают материалы центральных архивов, большое внимание уделяется отложившаяся в них информация из провинций (особенно материалы времен революции 1905-1907 гг., епархиальные отчеты, а также информация с мест времен революции 1917-1918 вв.). Также автор ссылается на довольно значительное число работ, опубликованных в последние десятилетия и касающихся приходской жизни в провинциальных епархиях. Это включение провинциальных материалов придает необходимую объемность всему исследованию. Разумеется, использование непосредственно местных провинциальных архивов в полном объеме является делом будущего.

В центре внимания работы – споры вокруг реформ, соответствующая эволюция законодательства, функционирование государственных, земских, церковных институтов и т. д. Однако автор формулирует свою задачу шире: он стремится проследить историческую динамику не только «приходского вопроса», но и «приходской жизни» как таковой. Этот аспект потребовал введения элементов историко-социологического анализа и осмысления места православного прихода в структуре российского общества в целом; при этом приход не сводится к приходскому духовенству, которое обычно было в центре внимания подобных исследований. Автор ставит целью «комплексное исследование истории православного прихода ... как самостоятельной научной проблемы, ранее находившейся в тени православного духовенства» (с. 34-5). При этом понятиям «приходская жизнь», «приход» (именно в расширенном, комплексном смысле), возможно, следовало бы дать более четкое определение. Приход включает и причт (в т.ч. священников), и мирян, и всю систему их связей с церковными, земскими, общегосударственными институтами, а также некоторые независимые формы самоорганизации (как крестьянское самоуправление). Впрочем, новизна работы как раз в том, что автор попытался ухватить это комплексное явление во всей сложности, и хотя много внимания неизбежно уделяется именно государственным инициативам и положению духовенства, автор неслучайно делает дополнительный акцент на роли церковных старост, мирянской активности в революционные годы, и т. д. Очень интересно в этом смысле интерпретируется материал в главке о мнениях об «идеальном приходе» в отзывах епископов от 1905-6 гг.

В связи с подобной постановкой вопроса о приходе как таковом интересно подмеченное автором сложное соотношение мирского и церковного планов в жизни прихода – соотношение не всегда очевидно фиксированное, подвижное. По-видимому,

подобное деление на «церковное и мирское» до поры до времени не осознавалось, как до поры до времени до конца не осознавалось противоречие между функцией мирского схода, решающего, например, криминальные дела, и литургическими функциями прихода. Тенденция к разделению – духовенства от земства, сельской общины от приходской общины, а потом и их функций; тенденция к усилению контроля со стороны епископа; сословной фиксации клира и проч. – это уже тенденция «модерная». Регламентация – ключевое слово, которое звучит в диссертации в этой связи. Парадокс здесь в следующем: государство, руководствуясь прагматикой власти (*raison d'etat*), пыталось унифицировать приход не как религиозную общину, а как совокупность релевантных государственным целям функций и как бы подчеркивало свою дистанцию от церковно-религиозного плана, находящегося за пределами чистого утилитаризма. Но именно такая «модерная» унификация привела к обостренному осознанию противоположности этих планов как светского и церковного, как «секулярного» и «духовного». Поэтому критика синодальной системы облечена в форму славянофильской романтизации досинодальной архаики, как автор это прекрасно показывает в анализе публицистики А. А. Папкова и других сторонников возвращения к аутентичной церковности, или «церковной общительности», как это называл сам Папков.

Анализ этой публицистической волны, поднявшейся в период бесконечных обсуждений приходского устава, относится к числу безусловных достоинств работы. Автор показывает, как вопрос об уставе, как оказалось, стал камнем преткновения всех споров о приходе и Церкви в целом – ведь именно устав должен был, в конечном итоге, определить место Церкви в перспективе – в секуляризованном, утилитаристском государстве. В расцветшую в начале XX века публицистику выплескивались все идеи – и охранительные, и, в гораздо большей степени – критические, движимые поисками той самой аутентичной церковности, обновления Церкви и освобождения от синодальной зависимости. Хотя автор и не делает этого вывода, создается, однако, впечатление, что вопрос устава и вообще пресловутый «приходской вопрос» в накаленной полемической атмосфере быстро модернизирующегося общества перерос сам себя, стал проявлением других политических и идеологических целей (автор упоминает «политизацию приходского вопроса» на с. 879), тогда как сам по себе «приходской вопрос» был заведомо «нерешаем» - он был частью процесса секуляризации и в создавшихся социально-политических обстоятельствах обречен быть только разрешенным «приходской революцией» 1917 г. и соборной реакцией на нее в ходе Поместного Собора 1917-1918 гг. По-видимому, в этих спорах о приходе следовало более четко выделить

разные позиции: условно говоря, славянофильские голоса; демократически-обновленческие, вдохновленные революционным движением; позиции церковной иерархии, стремящейся к сохранению власти внутри все более независимого «религиозного сегмента» модернизирующегося общества, и т.д.

Интересно, что автор диссертации, хотя и подчеркивает факт идеализации досинодальной церковности публицистами вроде А. Папкова, в какой-то момент солидаризуется с оценками критиков и принимает критический дискурс «упадка» прихода, его «деформации», его «закрепощения»; он постоянно подчеркивает, например, «давление на клир»; полемизирует с теми, кто (как социальный историк Б. Н. Миронов) указывает на повышение сословного статуса духовенства и даже его порой неплохое экономическое положение; отмечает, что сословность приходского клира «противоречила церковному пониманию христианского священства как основанного на «царственном священстве» всех христиан» (с. 79). Тем самым автор, как кажется, отчасти теряет исследовательскую дистанцию и как бы сам вступает в полемику о том, *что* считать идеальным приходом с точки зрения чистого, аутентичного христианства. Понятие «деформации» прихода предполагает некую изначальную чистую форму, что является само по себе предметом ангажированной полемики. Точно также, когда он пишет, что число приходов (после очередного реформирования) «не соответствовало духовным нуждам паствы» (с. 118), автор оперирует довольно субъективными категориями. Таким образом, оказывается, что сам автор, даже деконструируя пристрастия тех или участников споров, в некоторой степени и сам вовлекается в публицистическую полемику.

Отчасти эта вовлеченность проявляется в предложенной автором очень интересной интерпретации подходов к реформе. Автор противопоставляет сначала (применительно к XIX в.) «административный» и «органический» типы в рамках идеи «оцерковления» прихода, т.е. высвобождения из под «закрепощенности» у государства (с. 253). Первый тип – «административный» - подразумевает усиление власти епископа, консистории, благочиний. Второй тип реформы – «органический» - ориентирован, наоборот, на вовлечении прихожан и смещении центра тяжести в сторону мирян. Позднее, автор подхватывает формулировки канониста Н. Д. Кузнецова, противопоставившего (применительно уже к спорам первого десятилетия XX в.) «институтное» и «корпоративное», или «общественно-церковное» начала в Церкви и, соответственно, два разных подхода к реформе приходов (с. 523 и далее). Автор диссертации показывает, что первый тип реформ и подход, которые продавливались «синодалами» и властью, были обречены на неудачу. Но насколько реалистичными были бы реформы второго типа,

которым автор симпатизирует? И насколько они были более «каноничными»? Неоднозначность последнего вопроса видна в признании «каноничности» про-епископской позиции другого юриста – И.С. Бердникова, у которого были серьезные канонические основания для епископо-центричной позиции, противопоставленной «общественно-церковным» подходам. Впрочем, ни та, ни другая реформа в реальности не состоялась. Надо сказать, однако, что выстраивание анализа на подобных бинарных противопоставлениях одновременно и очень эффектно, и аналитически удобно, ибо выявляет глубинные основы и церковной, и общественной динамики.

Автор диссертации удачно справился с отражением того, что можно назвать «переключение скоростей» исторического процесса: в течение всего рассматриваемого периода десятилетия сравнительно неспешных, неуверенных, противоречащих друг другу и не очень успешных реформ, совершавшихся в ритме бюрократической аппаратной логики, сменялись бурными, резкими, импульсивными переменами в революционное время – как в эпоху первой революции, так и в особенности в эпоху Великой революции. Задача сопоставления этих разных скоростей – весьма нетривиальна для историка; во-первых, ритм событий влияет на стиль изложения; во-вторых, меняется тип и характер источников: в революционные периоды на первый план выплескиваются свидетельства, содержащие голоса, которые в спокойное время не были слышны в министерских и синодальных коридорах и даже в кабинетах консисторий и благочиний.

А. Беглов, соглашаясь с предыдущими исследованиями (Г. Фриз, П. Рогозный), интерпретируют церковную историю 1917-1918 гг. как «приходскую революцию» (как часть «церковной революции», бывшей, в свою очередь, частью Российской революции в целом). В эти бурные месяцы миряне-прихожане высказываются в «приходском вопросе» прямым действием: присвоением церковно-приходской собственности; прямым распоряжением материальных средств прихода; выборами приходских священников. Подобного рода источников, впрочем, в работе сравнительно мало, хотя автор уделяет внимание материалам Всероссийского съезда духовенства и мирян (июнь 1917); гораздо больше места уделено документам V Отдела Всероссийского Церковного собора, в котором автор верно усматривает частичную «консервативную реставрацию».

Говоря о «церковной революции», автор сравнивает этот процесс с «дисциплинированием» приходского духовенства в начале синодального периода – но не «сверху» (со стороны имперской власти, как было в XVIII в.), а «снизу», со стороны прихожан (с. 884). Такое сравнение представляется рискованным, хотя бы потому, что в тотальном хаосе революции приходское духовенство само становилось активным

субъектом восстания против епархиальной власти, часто оказываясь союзником мирян. Не вполне точным представляется также вывод о том, что поощрение «приходской революции» было невольным «просчетом» советской власти в том смысле, что оно привело к росту в целом церковной активности на местах (с. 942, 959). Советская власть вполне ожидаемо направила первый главный удар против иерархии, прочно связанной (хотя бы ассоциативно) со «старым режимом», и поощряла на первых порах «восстание масс» как главное орудие власти и главный источник собственной легитимности. Поощряемое «раскрепощение» прихода шло параллельно с раз-государствлением и правовой де-легитимацией всей церковной системы как таковой.

Вполне понятно, что в объемную, насыщенную работу просто не вместились все материалы с мест времен революции. То же можно сказать и о свидетельствах «живой религии» других периодов. В начале работы автор формулирует необходимость того, что обычно называют «поворотом к повседневности», попыткой отойти от анализа только институционального плана и включить в исследование материалы и методы, присущие исторической антропологии. В работе в полной мере такого поворота нет; такие повседневные практики как иконопочитание, престольные праздники, частные и публичные молитвы, исповеди и причасти, пр., лишь изредка упоминаются в тексте. Впрочем, автор осознает это и упоминает, что повседневный план рассматривается лишь эпизодически (с. 28). В дальнейшей работе включение подобного материала должно, безусловно, значительно обогатить анализ состояния прихода в его динамике.

Однако даже опора на церковные и государственные документы, публицистику и статистику в работе представляет приходской вопрос в такой полноте, в какой он никогда до сих не рассматривался в мировой историографии. Помимо этого, чисто историографического, достижения, сама тема диссертации звучит, как автор это сам подчеркивает, весьма актуально потому, что пересекается с современными, постсоветскими процессами в России. В частности, вопрос о приходах снова активно обсуждался в 1990-е и 2000-е гг., воспроизводя очень многие позиции из споров столетней давности. Впрочем, в нынешней ситуации, даже в условиях некоторой де-секуляризации публичной сферы, приход как институт постепенно ушел в тень и оказался в зависимости от церковной иерархии.

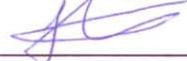
Все высказанные выше отдельные замечания не снижают высокой оценки представленной диссертации. Содержание автореферата соответствует требованиям и находится в полном согласии с содержанием диссертации в целом, которое в полной мере отражено и в указанных в автореферате публикациях.

Диссертация Беглова Алексея Львовича «Православный приход Российской империи на рубеже XIX-XX вв.: состояние, дискуссии, реформы» соответствует паспорту научной специальности 07.00.02 – Отечественная история, отвечает требованиям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук.

Текст отзыва составлен Александром Сергеевичем Агаджаняном, доктором исторических наук, профессором Учебно-научного центра изучения религий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», протокол заседания №1от 8 февраля 2020 г.

Директор Учебно-научного
Центра изучения религий
Канд. культурологии, профессор.

Н. В. Шабуров

02.03. 2020 г.

Почтовый адрес ФГБОУ «РГГУ»
Миусская пл., д. 6, ГСП 125993
Тел. +7 (495) 250-6118; email: rsuh@rsuh.ru

